

Барбара Хэмбли
Байки из дворца Джаббы Хатта-2: Выбор дегустатора
(История шеф-повара Джаббы)

Звездные войны – 76

<http://hungryewok.narod.ru>

Оригинал: Barbara Hambley, "The Boy and his Monster: The Rancor Keeper's Tale"

Барбара Хэмбли
Выбор дегустатора
(История шеф-повара Джаббы)

Байки из дворца Джаббы Хатта-2
(Звездные войны)

* * *

Все началось в тот день, когда Джабба Хатт приобрел двух новых дроидов.

Не то чтобы прибытие новых рабов в уединенный пустынный дворец Жир-нотелого было значительным событием для Пор-селлуса, изможденного шеф-повара этого криминального босса. Когда Малакили, смотритель хаттского ранкора, сообщил ему о новом прибавлении, единственным вопросом повара было: «Чем они питаются?» На что Малакили ответил: «Они — — дроиды». Он сидел, взгромоздившись на край длинного и массивного кухонного стола, ковыряясь в двух кубометрах потрохов рососпин-ника и поедая бенъеты (обжаренные ломтики фруктов в тесте). Вокруг бенъетов Порселлуса в Мое Айсли складывались небольшие культы — нужно добавить, это были едва ли не самые странные объекты почитания в этом порту. В одной из четырех печей у Порселлуса был огромный котел с ними, и в длинной, с низкими стенами кухне стоял невероятный жар. — Хорошо, — сказал Порселлус. Он не то чтобы возражал, когда кто-то приходил на его кухню, чтобы выпросить перекусить.

Просто большая часть народа со двора татуин-ского криминального босса, крутившаяся у него на кухне, ужасно нервировала повара.

— И довольно вежливые, — добавил Малаки-ли. — С высококлассной социальной программой.

— Это меняет дело.

Порселлус осторожно вынул последние бенъ-еты из кипящего масла точно в нужный момент, опустил их на бумагу, покрывающую стойку, благоговейно обсыпал сахарной пудрой и активировал портативную электрическую изгородь вокруг них.

Он улыбнулся своему другу: — В отличие от нынешней компании.

— О, охранники и штаб не так уж и плохи... — Малакили сделал паузу, когда Флегмин, кухонный слуга, вошел, неся ящик только что доставленных хрупких белсавианских фруктов.

Прыщавый юноша хлопнул носом, вытер его пальцами и начал вынимать фрукты из ящика, тут же напустив на себя угрюмо-обиженный вид, когда Порселлус резким окриком прогнал его мыть руки.

— Ну, может быть, некоторые, — признал смотритель ранкора.

Он спрыгнул со стола и подошел к шеф-повару, который со знанием дела осматривал фрукты на наличие вмятин. Флегмин попытался между делом цапнуть бенъет — —

электрический заборчик отшвырнул его на пару метров, впечатав в ближайшую стену. Он ретировался, посасывая обожженную руку.

— Мне нужно кое-что сказать тебе, друг мой, — прошептал Малакили.

Порселлус отвлекся от работы, знакомый холодный ужас окол его грудь.

— Да?

В давние дни, когда он был шеф-поваром Ин-диса Милора, губернатора Бриекса и моффа сектора Варвенна, и самым ценным приобретением благородного имперца — а как же иначе, если он трижды получал Золотую Ложку и выигрывал приз Тселгормета за изысканность блюд в течение пяти лет? — — Порселлус в общем-то не был нервным человеком. Он заботился о совершенствовании своего искусства, да как и любой другой великий маэстро. Конечно, волновался время от времени о жесткости подаваемой меренги, когда Император был гостем губернатора Милора, или о тщательно подобранном сочетании компонентов в соусе, который подавался на посольском банкете...

Но он не был склонен вздрагивать от ужаса при каждом неожиданном слове.

Пять лет рабства во дворце Джаббы Хатта совершили этот эффект.

— У Джаббы опять было несварение прошлой ночью.

— Несварение? — — позднее Порселлус осознал, что его немедленной реакцией должен был стать неуправляемый ужас, но сейчас это был лишь недоверчивый смешок. — Ты хочешь сказать, что есть что-то, что он не может переварить?

Малакили еще больше понизил голос.

— По его словам, он думает, что это «фиер-фек». Насколько я понимаю, на хатте, — мягко продолжал он, — это означает «яд».

А вот теперь пришел и неуправляемый ужас. Порселлус почувствовал, как побледнел, а его руки и ступни стали холодными, несмотря на печной жар на кухне.

Смотритель ранкора положил большую ладонь на плечо друга.

— Ты мне нравишься, Порселлус, — сказал он. — Ты мой хороший друг и разрешаешь мне брать объедки для моего малыша... — Он ткнул большим пальцем в сторону горы дымящегося мяса и мясных отходов, занимающей две трети стола. — Я не хочу, чтобы мне пришлось швырнуть тебя в его пасть. Поэтому я решил перекинуться с тобой парой слов, прежде чем Биб Фортуна доберется сюда, чтобы поговорить с тобой.

Малакили подобрал углы промасленной ткани, на которую были свалены потроха, и выволок сверток за дверь, оставив след протекшего сока.

— Спасибо, — проговорил Порселлус, хотя у него слишком пересохло во рту, чтобы вообще издать звук.

— Его великолепие крайне недоволен.

— Для этого абсолютно нет причин, ваша милость. Это всецело результат прискорбного недоразумения.

Порселлус чуть не вдвое сложился в глубоком поклоне и надеялся, что Биб Фортуна, отвратительный тви'леkk, дворецкий Джаббы Хатта, не заметит перерытых ящиков и коробок, покрывающих каждую горизонтальную поверхность на кухне в результате бешеного поиска всего, что могло причинить беспрецедентный дискомфорт Жирнотелому. Так как многие деликатесы, все это время шедшие на омлеты, рулеты и тушенья для хатта, были несъедобны для любых рас меньшего размера, поиск был непрост — шеф-повар до сих пор удивлялся по поводу козотравника, который он использовал прошлым вечером в качестве начинки для гэмвиджа, и маленькой неподписанной красной коробочки с неизвестной пастой, содержимое которой использовалось для украшения вчерашних шоколадных фигурок.

Маленькие глазки тви'леkk сузились еще больше, в мрачноватом свете кухни они напоминали грязное стекло.

— Ты ведь знаешь, как наш повелитель заботится о своем здоровье.

Ни один из них, конечно же, не собирался произносить слово «яд».

— Разумеется.

Порселлус лег ниц, размышляя о том, что, учитывая, сколько Джабба употребляет жиров, холестерина и алкоголя (не говоря уже о менее определяемых веществах), а также его невообразимую сексуальную жизнь, хатту едва ли нужен был яд. Порселлус все еще пытался поверить в предположение, что хатта вообще возможно отравить.

— Мне едва ли нужно уверять вас, что за все время моей службы здесь я не использовал ничего, кроме самых превосходных, самых здоровых и самых вкусных ингредиентов для удовлетворения изысканного вкуса Его великолепия. Я отказываюсь понимать это крайне огорчительное происшествие.

Скрестив руки, Фортуна тихо постучал длинными ногтями по собственным бицепсам.

— Если ситуация продолжится, — произнес он мягким голосом, — от вас могут потребоваться объяснения.

— Эй! взвился Порселлус, возмущенно вскакивая с посудным полотенцем в руке. — Это принадлежит повелителю!

Ак-Буз, командир баржи Джаббы, быстро отскочил от электрической загородки вокруг бенье-тов, уронив пару длинных изоляционных щипцов, которые он использовал для проникновения за нее. Недовольство исказило его кожистое лицо — единственное выражение, на которое, как успел убедиться Порселлус, были способны виквай, — и он выбежал на залитую жарким солнечным светом приемную площадку, на ходу запихивая украденный беньет в безгубый рот.

— Они, кажется, думают, что это благотворительная кухня, — Порселлус нервно вытер следы рассыпавшегося сахара.

— Мне следует доложить Джаббе, что виквай должен быть наказан? — голос Фортуны превратился в опасное мурлыканье. — Брошен ран-кору? Довольно быстрый способ, возможно, хотя Джаббе нравится это зрелище... Может быть, опустить в яму с брахнозубцами? Они малы размером, но сотня их может разделать до костей часов где-то... за пять-шесть. В одиночку, если жертва связана достаточно крепко, они могут управиться за четыре-пять дней, — он зловеще улыбнулся. — Это будет подходящим наказанием для того, кто тянет руки к пище Его великолепия?

— Э-э... Я не думаю, что это необходимо, — сказал Порселлус.

К его великому огорчению, эти слова оказались пророческими, когда несколько часов спустя он наткнулся на мертвое тело капитана баржи в коридоре, ведущем к нижним ярусам помещений для слуг...

Паника возымела свое действие. После обыска кухни еще в течение получаса, преследуемый мрачным Флегмином («Как, вы позволили Ак-Бузу взять беньет, а мне нет? В этой коробке ничего нет... А что вы вообще ищете, босс?»), Порселлус, к собственному ужасу, обнаружил, что приближалась пора подготовки к ночному празднеству, а у него не было ни малейших идей о том, что приготовить. Отварная ледорыба с Эдиорунга на подстилке из рамореанской капа-наты? А что, если Джабба поперхнется костью? Рагу из беснианской колбасы с соусом из пель-синов и мадеры? Если специи окажут дурное влияние на его уже раздраженный желудок, каково будет немедленное решение? Овощной суп, подумал Порселлус, овощной суп и рисовый пудинг без специй. Он поразмышлял над возможной реакцией хозяина на такое меню, и ему представились далеко не радужные перспективы.

Впервые в жизни ища вдохновения, он ушел в свою комнату, чтобы обратиться к кулинарным книгам, вздремнуть в относительной прохладе и расслабиться... ему необходимо было расслабиться...

А на полпути к его комнате лежало тело Ак-Буза, распростертое на полу, с раскинутыми руками и застывшим взглядом, в котором отражалась смерть.

Порселлус опустился на колени рядом с трупом. Еще теплый. Крупинки сахара испещряли стеганный жилет виквая.

Может быть, после поглощения семидесяти кило потрохов рососпинника ранкор не будет слишком голоден сегодняшней ночью?..

Послышалось сопение, фыркание, а затем глубокий, тягучий, требовательный голос: — Что здесь произошло?

Шеф-повар вскочил на ноги в шоке, охваченный ужасом, и обнаружил себя лицом к лицу с одним из гаморреанцев, охранников Джаббы.

Порселлус всегда ненавидел гаморреанцев. Они были одними из самых настойчивых попрошайек, и он вечно подчищал за ними слюни, грязь и разнообразных паразитов. На прошлой неделе пятеро из них пробрались в его кухню, чтобы вылизать чашу чантиллийского крема. В результате та разбилась, два достаточно хрупких агрегата были расколочены вдребезги, а Порселлус чуть не был обезглавлен шальным вибротопором. Чантиллийский крем также пострадал.

— Происходит? — пискнул Порселлус. — Ничего не происходит.

Бровь охранника изогнулась, обозначив долгий мыслительный процесс. Потом он указал рукой в шипастой перчатке на тело капитана баржи.

— Он мертв?

— Он не мертв, — ответил Порселлус. — Он спит. Отдыхает. Он сказал, что устал, и решил вернуться в комнату, чтобы вздремнуть. Он, должно быть... должно быть, заснул прямо здесь в коридоре.

Невидящие глаза Ак-Буза по-прежнему смотрели в потолок.

Охранник нахмурился, усиленно перерабатывая информацию в мозгу.

— А выглядит будто помер.

Порселлус почувствовал, словно клыки ранко-ра начали смыкаться на его теле.

— Вы когда-нибудь видели спящего виквай? — — Э... нет.

— Ну, так вот он... — Порселлус наклонился и поднял тело на ноги, закинув его руку себе на плечи.

На одно ужасное мгновение он подумал, что стал бы делать, если бы тело начало подвергаться трупному окоченению, но в такой жаре это было маловероятно. Жуткая голова с мерзкими косичками болталась возле его щеки.

— Сейчас я отведу его в комнату... э-э... пока он не проснулся.

Охранник кивнул: — Нужна помощь?

— Спасибо, — улыбнулся шеф-повар. — Я справлюсь.

Он спрятал тело Ак-Буза в куче мусора на машинном дворе — операция рискованная до того, что от страха сердце останавливалось, ведь ему пришлось протащить его через подземелья наружу, а потом мимо бараков, где жили виквай. Виквай — — молчаливые, беспощадные, злобные-исполнители приказаний — — были частью экипажа баржи Ак-Буза, и, хотя они не отличались преданностью кому-либо, Порселлус полагал, что быть обнаруженным в компании тела их командира — не слишком хорошая перспектива. Но их не было в поле зрения (возможно, они в моей кухне, воруют бенъеты, мрачно подумал Порселлус), также не было видно и механика баржи, Барады. При удачном стечении обстоятельств никто не станет шарить под внушительной кучей неисправных деталей флаеров в углу двора, пока разложение не сделает свое дело, что при такой жаре не должно занять много времени. Обычно на Татуине можно было бы беспокоиться о том, что в кучах роются йавы в поисках металла, но остатки последнего йавы, решившегося на это, все еще висели, приколотенные к воротам.

Порселлус поспешно вернулся на кухню в раздумьях о том, что он будет делать с сегодняшним банкетом, и лишенный малейшей капли вдохновения.

— Ты называешь это едой? огромные оранжево — красные глаза хатта медленно вращались, зрачки слегка сузились от гнева и уставились на несчастного слугу.

Порселлус никогда не понимал язык хаттов слишком хорошо, но когда Джабба поднял один из изысканных овощных блинчиков в руке, которая казалась удивительно миниатюрной по сравнению с остальной желтоватой студенистой массой, и сжал его так, что содержимое того глухо шлепнулось на пол, для Ц-ЗПО, его нового двои-дапереводчика, не было никакой необходимости пояснять: «Его превосходительство крайне недоволен едой,

которую вы сегодня подали».

Порселлусу, стоящему перед постаментом Хатта на декоративном люке, закрывавшем яму ранкора, удалось издать короткий звук, но не более. В восьми метрах у него под ногами в темноте тихо засопел ранкор.

Жуткие глаза сузились: — Может, ты ищешь способ погубить меня?

— Никогда! — Порселлус рухнул на колени, заставив этим ранкора подняться во весь рост и понюхать решетку, и умоляюще сжал руки. — Как я могу доказать свои благие намерения?

Джабба неторопливо рассмеялся, по звуку это походило на отрывку банты.

— Что ж, пусть мой маленький друг докажет, — сказал он и потянул цепочку, которую держал в руке. Из-за возвышения позади него поднялась миловидная танцовщица, тви'лекка Оула, последняя игрушка Джаббы. Ее нежное лицо выражало опасение, что было вполне естественно.

Порселлус никогда не знал в точности, что Джабба делал со своими «игрушками» — обычно те были женского пола, но всегда юными, гибкими и красивыми — но он знал, что они не протягивали долго, и слышал несколько поистине ужасных историй от своей подруги, тоже рабыни, аскайанки Йарны.

Но сейчас Джабба лишь подцепил пальцем начинку овощного блинчика и протянул ей. Через секунду с видимым отвращением Оула слизнула густую начинку с его скользкой лапы.

— А теперь принеси мне настоящей еды, — булькнул Хатт, поворачиваясь к Порселлусу. — Свежей. Живой. Нетронутой.

К тому времени как Порселлус вернулся в дворцовый зал со стеклянной чашей живых кла-туинских упругих гуляшек в ароматизированном бренди (чтобы они не поубивали друг друга, как это водилось у маленьких злобных созданий), Оула, отнюдь не пострадавшая от овощных блинчиков, танцевала, призывно-чувственно покачивая длинными лекку, цепь все еще охватывала ее шею. Ее выступление, подумал Порселлус, должно навсегда отвлечь Джаббу от мыслей о фьерфеке.

Обычно Порселлус держался как можно дальше от двора Джаббы, насколько это было возможно в пределах дворца, так как порочная и жестокая толпа охотников за головами, наемников и прочего межгалактического сброда вселяла в него ужас. Но сегодня он стоял, прислонившись спиной к арке дверного проема, худой, сидящий, с нервным взглядом, в невыразимо испачканной белой одежде. Он слушал джиз-музыкантов, так как всегда любил хорошую игру, смотрел на танец и отчаянно надеялся, что красавица Оула не погибнет по неизвестной причине, как это случилось с АкБузом. В голове его возник вопрос, что же могло стать причиной смерти капитана баржи, но кто может знать наверняка в таком ужасном месте?

Джабба с жутким смехом рванул на себя цепь танцовщицы. Оула дернулась, не в силах сдержать гримасу отвращения — было ясно, что он не собирается больше кормить ее овощными блинчиками, — и некоторое время Хатт забавлялся, играя с ней, как с рыбкой, перед тем, как открыть люк и швырнуть ее в яму ранкора. Тви'лекка в ужасе вскрикнула, и все бросились к решетке понаблюдать за развлечением; Порселлус попятился, дрожа, как травинка, попавшая в ураган. Небрежность, бесцеремонность убийства привели его в ужас... Хатт убил девушку без малейших раздумий, тут же приступив к поглощению очередной гуляшки.

Вот так, подумал Порселлус, бледный и готовый упасть в обморок от шока, он убил бы и своего шеф-повара, если бы несварение снова вернуло его к мысли о «фьерфеке». В эту ночь охотник за головами привел вуки.

Это была в некотором роде операция по зачистке. Вуки — свыше двух метров всклокоченной шерсти и злобы — был партнером кореллианско-го контрабандиста по имени Соло, чье неподвижное тело, замороженное в карбоните, украшало стену покоев Джаббы уже несколько месяцев. Одно время Порселлус прокручивал в голове идею о том, чтобы разморозить человека и договориться с ним о помощи в побеге, но в последнюю минуту

нервы сдали. Было невозможно предположить, насколько он будет способен к сотрудничеству, даже если Порселлус будет укрывать его достаточно долго, пока тот не избавится от слепоты и слабости, возникающих от пребывания в спячке. К тому же повара бросало в пот при мысли о том, что сделал бы с ним Джабба, если бы застал его при попытке к бегству.

Джабба назначил награду за вуки в пятьдесят тысяч кредиток и был готов заплатить половину от этого. После продолжительных переговоров с охотником за головами — невысоким существом в кожаной дыхательной маске — которые включали в себя угрозы задействовать термический детонатор, весьма кстати нашедшийся в его кармане, они сошлись на тридцати пяти. К этому моменту Порселлус удалился на кухню, размышляя о том, что совершенно не приспособлен для финансовых дел такого сорта, и думая, что он стал бы делать, если бы этот охотник явился к нему на кухню, требуя бенъетов или чантиллийского крема.

Кухонный слуга, Флегмин, был непоправимо мертв и лежал на полу посреди приемной комнаты. Перед взглядом Порселлуса сгущалась тьма — тьма, пахнувшая ранкором. В следующее мгновение огромная рука оттолкнула его в сторону, и гран Рие-Ииес, подлый жулик и представитель нижнего круга двора Джаббы, неуклюже прошел в приемную комнату; три его глаза на коротких стебельках выпучились, когда он с недоверием уставился на тело.

— Я тут совершенно ни при чем! — — взвизгнул Порселлус. — Он не съел ни кусочка на этой кухне! Он даже не прикасался к посуде!

Рие-Ииес, стоя на коленях шаривший в открытой коробке с козотравником возле тела Флегмина, не обратил на вопли никакого внимания.

— Эй, — с сопением прогрохотал бас из дверей. — Он спит?

Это был охранник-гаморреанен. Тот же самый охранник, понял Порселлус, который обнаружил его с трупом Ак-Буза в коридоре.

Жизнь промелькнула перед глазами шеф-повара калейдоскопом из крокетов и корускант-ского соуса.

— Это не я!

— Ты как раз вовремя! — — Рие-Ииес вскочил на ноги. — Я только что нашел его... э-э... вот прямо так — в коридоре, возле туннеля, ведущего к жилищу Эфанта Мона! И я принес его сюда, чтобы оказать... э... экстренную кулинарную помощь! Особый метод искусственного дыхания при помощи кухонных отбросов! Это техника первой помощи, которой я научился у...

С видимым хладнокровием Порселлус выскользнул из комнаты и укрылся в самом темном углу кухни. Оттуда несколько минут спустя он увидел, как охранникгаморреанец, исполненный сознания долга, тяжелой поступью вышел наружу, неся тело кухонного слуги, переброшенное через плечо. Вскоре за ним последовал сам Рие-Ииес, пошатываясь, словно его мозг был затуманен сильными парами суллустианского джина.

Во дворце, без всякого сомнения, что-то творилось.

— Заговор, — прогрохотал Гартогг, охранник-гаморреанец, вернувшись в кухню следующим утром. Труп Флегмина все еще болтался на его плече и уже подвергся действию усиливавшейся дневной жары. — УЛИКИ.

Последовала длинная пауза, словно, размышляя, он тщательно сверял содержимое одной клетки мозга с другой.

— Все это связано вместе.

Он добрался до упаковочного материала, в который была завернута банка с засахаренными ранетками, и шумно фыркнул: — Девушка. Она... э-э...

— Что за девушка? потребовал ответа Порселлус. — И убери эту омерзительную вещь отсюда!

— Девушка-наемница. Привела вуки. Прошлой ночью. — Гартогг слизнул кусок пластика с нижней губы. — Подружка Соло. Контрабандиста. Босс их поймал.

Он осторожно вложил обратно в глазницу левый глаз трупа, который уже начал выпадать, и заинтересованно посмотрел в направлении хлебного пудинга с белым шоколадом, который Порселлус приготовил на сегодняшний десерт.

— Убери это отсюда! — скомандовал Порселлус. — Я здесь готовлю, это место должно оставаться чистым — чистым и опрятным.

Его не слишком беспокоило то, что гаморреа-нец начал думать о заговорах. Но Гартогг был прав насчет девушки. Когда его вызвали на аудиенцию в покои Джаббы в начале вечерних празднеств, Порселлус заметил отсутствие матовой чернокоричневой плиты карбонита, которая месяцами украшала альков, и наличие новой «игрушки» на постаменте Джаббы.

Он почувствовал к ней жалость. Она была миниатюрной, стройной и выглядела совсем хрупкой в скудных полосках золота и шелка, которые ей позволили надеть, ее тяжелые темно-рыжие волосы пышной волной покрывали аристократическую голову.

— Про... простите, — заикаясь, тихо произнес он, опустившись на колени на постамент рядом с ней. — Если есть что-то, что я могу принести вам с кухни...

Это было безнадежно нелепое предложение помощи, и он знал это; но она улыбнулась и взяла его за руку.

— Спасибо, — голос ее был словно мед. Шеф-повар видел не страх, но огромное беспокойство в ее карих глазах.

Соло, отчаянно подумал Порселлус. Она любит этого контрабандиста Соло. Она оказалась на его месте — узником, как и он, во дворце Джаббы — из-за этой любви.

И хотя его собственное сердце разрывалось от любви к ней, он посчитал своим долгом убедиться, что Соло получил еду из дворцовой кухни, а не то, что давали в подземельях Джаббы. Многие из пленников вообще не получали пищи долгое время. Но Порселлус, хотя его сердце каждый раз от ужаса подскакивало к горлу, подкупал охрану бенъетами и шоколадными фигурками, чтобы принести мяса для вуки. Он знал, что спячка ослабила контрабандиста углеводным голоданием, и тайно приносил пирожки с начинкой и яичные хлебцы для человека, который был дорог своей любимой.

Он чувствовал себя дураком — этого человека все равно казнят, да и сам он находился в шаге от ямы ранкора. Но это было все, что он мог сделать для нее; и когда следующей ночью она взяла его за руку и прошептала: «Спасибо тебе, Порселлус, спасибо» и посмотрела ему в глаза, в ту же секунду он понял, что дело стоило того.

Над ними грохотом раздался жуткий смех Джаббы.

— Берегись, красавица Лейя, — сказал криминальный босс на своем медленном, почти непонятном языке.

Шум в зале вокруг них стоял невероятный, празднество перерастало в тривиальную оргию с карточными играми, потреблением невероятного количества спиртного и пропитанным тестостероном интриг, которые были непременной частью вечеров во дворце; играл Макс Ребо со своей группой, а маленький вульгарный фаворит Джаббы Салациус Крамб по прозвищу Распутная Крошка ввязался в импровизированный дуэт с Сю Снутлис.

Джабба поднял золотое блюдо с фрикасе из почек песчаной личинки, которое было первым из кулинарных предложений на этот вечер. После приключения с овощными блинчиками Порселлус вернулся к любимым пристрастиям Жирнотелого, но день за днем сердцем его застывало в горле, когда он преподносил каждое из них.

— Я думаю, в этом блюде фьерфек. Что скажешь, повар?

— Нет, — отчаянно прошептал Порселлус и посмотрел, не стоит ли он на люке ранкора. Он стоял. — Нет, это неправда...

— Вот, — Лейя бросила быстрый взгляд на мертвенно-бледное лицо повара и встала, потянувшись, чтобы забрать блюдо из рук Джаббы. — Здесь нет фьерфека, не так ли, Порселлус?

— Э-э...

— Ваше высочество, — поспешно предупредил дроид-секретарь Ц-ЗПО. — Я бы вам

крайне не советовал...

Джабба, как правило, обходился без такой формальности, как столовые приборы, но зловонное желтоватое месиво, художественно возвышавшееся в центре, окружал декоративный бордюр из сухого печенья. Используя одно из них как; ложку, Лейя положила в рот два больших куса.

Она позеленела и довольно быстро села обратно.

Джабба разразился вульгарным хохотом. Салациус Крамб, протиснувшись сквозь толпу вокруг эстрады, вспрыгнул на спину одного из га-морреанцев, стоявших ближе всего к постаменту Джаббы, уродливого грубияна по имени Джуб-нук. Когда Джубнук, не удержавшись, шлепнулся, поднос с остатками почек взлетел вверх и приземлился на охранника. Это создало достаточное прикрытие для Порселлуса, чтобы поспешно выскользнуть из главного зала. Но весь оставшийся вечер он снова и снова возвращался в зал, чтобы проверить, как там Лейя, которая с каждым разом выглядела все бледнее и бледнее.

С почками песчаной личинки не могло справиться ничье пищеварение.

Только не хватало, с отчаянием подумал Порселлус, и ей упасть замертво.

Джубнук, который слизал все почки, разбрызганные по его броне и окружающим стенам, не выказывал признаков нездоровья. Порселлус успокаивался этим как мог.

Люк Скайуокер, последний из джедаев, вошел во дворец с первым лучом рассвета. Порсел-лус узнал об этом, когда на цыпочках пробирался среди спящих тел в зале аудиенции с чашкой вайн-кофе и свежеприготовленным пончиком с желе для Лейи — также спящей на постаменте недалеко от Джаббы. Он увидел, как вошел Биб Фортуна, за которым следовал молодой человек в черном, среднего роста, стройный, старавшийся выделиться.

— Я сказал тебе не пускать его, — прогрохотал Джабба, когда дворецкий разбудил его.

Порселлус поспешно отступил назад, скрываясь за очнувшейся ошеломленной толпой приспешников Джаббы, один из которых, темнокожий незнакомец в шлеме из клыков гондара, освободил его от кофе и пончика.

— Меня нужно выслушать, — негромко проговорил Скайуокер.

Биб Фортуна немедленно повернулся к хозяину: — Его нужно выслушать...

— Слабоумный придурок! — Джабба оттолкнул Фортуну в сторону. — Попался на старый джедайский трюк!

Скайуокер склонил голову в почтительном кивке.

— Ты приведешь ко мне капитана Соло и вуки, — сказал он, и Порселлус почувствовал нестерпимое желание побежать в подземелье, взять ключ у капитана Ортогга и сделать именно так, как просит молодой человек.

— Твои мысли на меня не действуют. Другой образ мышления, — сказал Джабба. — Мне доводилось убивать таких, как ты, еще в те времена, когда слово «джедай» еще что-то значило.

— Тем не менее, — мягко сказал Скайуокер, — я заберу капитана Соло и его друзей. Ты можешь получить от этого прибыль..., или будешь уничтожен.

— Осторожнее! — высоким голосом вскрикнул Ц-ЗПО, который, если Порселлус не ошибался, был подарком Скайуокера хатту. — Вы стойте на...

Дюжий гаморреанец заткнул дроиду рот.

Джабба зловеще улыбнулся, его глаза, казалось, стали еще краснее, когда зрачки сузились.

— Сделки не будет, юный джедай. А я с удовольствием посмотрю, как ты умрешь.

Порселлус уже видел, как глаза Скайуокера встретились со взглядом Лейи, когда он только вошел. Теперь она вскрикнула: «Люк!», когда их окружила охрана. Скайуокер

Джабба сделал знак нескольким охранникам, оставшимся в комнате. — Отведите его в самое глубокое подземелье, Когда моя баржа вернется, после того как я понаблюдаю за гибелью Скайуокера и Соло, у меня будет время заняться тобой!

— Но никто из тех, кто ел твою еду, не умер от яда! — завопил Порселлус, когда охрана окружила его, — Джубнук... и Оула... Бы не можете...

— О, фиерфек вовсе не означает «яд», — любезно поспешил сообщить Ц-ЗПО. — Отравить хатта невероятно сложно, конечно же. Но происхождение всех слов их языка связано с пищей. Фиерфек означает просто «злой рок», смертельное проклятие... и вы не можете отрицать, что Джубнук и несчастная Оула погибли вскоре после того, как отведали вашей еды. Это чистое недопонимание.

Так оно и было, но этот факт не сильно успокаивал Порселлуса, когда его, протестующе кричащего, тащили в клетку, где ему следовало ожидать своей участи.